

УДК 130.2

СЕРГЕЙ ПРОЛЕЕВ,

доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела философии культуры, этики и эстетики Института философии имени Г.С.Сковороды НАН Украины, Киев

Теоретическая нищета дискурса “пост-”

Аннотация

В статье анализируется феномен постправды как весомый интеллектуальный и культурный симптом современности. Выясняются его возможности по выявлению содержания современной эпохи, место постправды в постмодерном дискурсе и эвристический потенциал дискурса “пост-”. Анализируются главные особенности постправды как коммуникативной стратегии. На этом основании доказывается некорректность определения современности как эпохи постправды. Феномен постправды является лишь одним из симптомов глубокого кризиса правосознания, общественной морали и демократического правления и в целом деградации политической ответственности и стандартов публичного поведения в условиях глобализации.

Ключевые слова: *постправда, постмодерный дискурс, современность, политика, кризис демократии*

СЕРГІЙ ПРОЛЕЄВ,

доктор філософських наук, професор, провідний науковий співробітник відділу філософії культури, етики та естетики Інституту філософії імені Г.С.Сковороди НАН України, Київ

Теоретична злиденність дискурсу “пост-”

Анотація

У статті аналізується феномен постправди як вагомий інтелектуальний та культурний симптом сучасності. З'ясовуються його можливості щодо виявлення змісту сучасної епохи, місце постправди у постмодерному дискурсі та евристичний потенціал дискурсу “пост-”. Аналізуються головні особливості постправди як комунікативної стратегії. На цій підставі доводиться некоректність визначення сучасності як епохи постправди. Феномен постправди є лише одним із симптомів глибокої кризи правосвідомості, суспільної моралі та демократичного урядування та загалом деградації політичної відповідальності та стандартів публічної поведінки за умов глобалізації.

Ключові слова: *постправда, постмодерний дискурс, сучасність, політика, криза демократії*

SERHII PROLEEV,

*Doctor of Sciences in Philosophy, Professor,
Leading Research Fellow at the Department of
Philosophy of Culture, Ethics, and Aesthetics,
Institute of Philosophy, National Academy of
Sciences of Ukraine, Kyiv*

Theoretical Poverty of the Discourse upon the “post-”

Abstract

The article analyses the phenomenon of post-truth as a significant intellectual and cultural symptom of modernity. Special attention is paid to its ability to reveal the content of the contemporary epoch, the place of post-truth in post-modern discourse, and the heuristic potential of the discourse upon the “post-”. The main features of the post-truth as a communicative strategy are analysed. On this basis, the incorrectness of definition of the present day as an era of “post-” is proved. The phenomenon of post-truth is just one of the symptoms of a deep crisis of justice, public morality and democratic governance, as well as, in general, the degradation of political responsibility and standards of public behaviour in a globalising world.

Keywords: *post-truth, post-modern discourse, modernity, politics, crisis of democracy*

Понятие “постправда” инспирировано современной политической конъюнктурой. Примером его использования могут служить события Брек-сита и их осмысление (см., в частности, статью: [Вайнер, 2016]). В Оксфордском словаре “post-truth” определяется как топ-слово 2016 года. В то же время ему свойственна типичная судьба любых сенсаций. Громко оглашаемое и постоянно применяемое в момент вовлечения в широкий оборот (первое его использование приписывают блогеру Дэвиду Робертсу, который применил его в 2010 году в своей колонке для интернет-издания Grist), оно быстро исчезает из поля устойчивого общественного внимания, и хорошо, если вообще остается хотя бы на обочине интеллектуального дискурса.

Термин “постправда” не исчез в последние два года, но интенсивность его использования как в вещании медиа, так и в качестве объяснительного средства текущей информационно-коммуникативной ситуации несомненно уменьшилась. Это вполне естественно. Ведь такого рода мемы появляются в контексте определенных громких событий (в данном случае тот же Брексит и избрание Д.Трампа) и служат их маркерами. Вытеснение этих событий из информационного поля другими влечет за собой и потерю популярности соответствующими мемами.

Однако в случае постправды речь идет о чем-то более весомом, нежели судьба отдельного слова или понятия. Наибольший интерес для социально-философского анализа представляет роль постправды как определенного симптома, характеризующего как социально-культурную специфику глобального мира, так и качество современного информационно-коммуникативного пространства. Именно под этим углом зрения и будут разворачиваться дальнейшие рассуждения. Попытка осмыслить понятие постправды предполагает выяснение следующих вопросов.

Первый. В какой мере можно говорить о новой действительности (и какого рода — информационного, ценностно-этического, психологического и т.п.), требующей данного термина (попросту говоря, а существует ли *на самом деле* явление, которое обозначают как “постправду”? О чем, собственно, нужно вести речь?)

Второй. Как соотносится “постправда” с другими дискурсами “пост-” (а именно “постиндустриальное” (общество), “постсекулярная” (эпоха), “постнеклассическая” (наука), “посттоталитарное” (состояние), “постполитика”, “постчеловечество” и т.п.)?

Третий. Как лингвистически и коммуникативно устроена “постправда”, каковы особенности ее воздействия и эффекта в качестве лингвистической и коммуникативной стратегии?

Четвертый. Каков эвристический и объяснительный потенциал “постправды”? — вопрос о смысле и ее возможностях в качестве формы мышления.

Эти четыре вопроса задают четыре главных аспекта анализа проблемы или же феномена “постправды”. Рассмотрим их последовательно.

Существует ли новая действительность, выразить которую призвано понятие “постправда”?

Оксфордский словарь определяет “post-truth” так: “Постправда характеризует обстоятельства, в которых объективные факты менее влиятельны в формировании общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям”. Эта апелляция к эмоциональному фактору создает первое затруднение в определении инновационности постправды. Ведь сколько существуют масс-медиа, столько они обращаются преимущественно к эмоциям, а не к рассудочной способности людей. Само понятие сенсации как ключевого новостного события наглядно этой доказывает. Сенсация призвана прежде *всего* поражать, а не побуждать к интеллектуальной работе, к выработке какого-то нового понимания действительности.

Нынешняя социальная и политическая действительность в измерении затронутого вопроса не содержит ничего такого, что не имеет весомых ана-

логов и соответствий в прошлом. Понятием “постправда” просто нечего называть. Оно — продукт недоброкачественной и корыстной конъюнктуры публичного вещания. Этим оно подобно некоторым иным ныне популярным речевым средствам (среди которых чуть ли не самое громкое — “гибридная война”).

Если считать примером “постправды” кампанию Брексит, то вполне аналогичны ему множество политических событий близкого и далекого прошлого. Приведу из опыта XX века хотя бы две политически-военные постановки (шоу) 1939 года — немецкую в Гляйвице и советскую в Майнле. Разгром немецкой пограничной радиостанции эзсовцами, переодетыми в польскую военную форму, стал в первом случае поводом для нападения гитлеровской Германии на Польшу, а обстрел советской артиллерией собственной территории, в чем обвинили финскую сторону, был использован во втором случае как повод для нападения сталинского СССР на Финляндию.

Примеров хватает и в более отдаленном прошлом. Один из красноречивых — начало второй Англо-голландской войны XVII века (выбранный здесь из-за своего сходства с явлением так называемой гибридной войны). Именно в режиме такой “гибридной войны” были осуществлены захваты английским полковником Николсом Нового Амстердама (превращенного в Нью-Йорк) и рейд адмирала Холмса вдоль африканского побережья в 1664 году (см.: [Исторія морських баталій, s.a]; фрагменты относительно “гибридной войны” 9 мин. 40 с. — 10 мин. 40 с.; 12 мин. 54 с. — 13 мин. 39 с.; 20 мин. 38 с. — 31 мин. 28 с.). И даже не на уровне *прецедента*, а на уровне *принципа* политического поведения “постправду” провозгласил еще отец Александра Македонского Филипп II: “Детей обманывают игрушками, а взрослых — клятвами” (являющимися тут квинтэссенциями достоверности). Другой его известный афоризм: “Там, где не пройдет лев, нужно подшить лисью шкуру”.

Как соотносится “постправда” с другими дискурсами “пост-”?

Новоявленный мем “постправда” побуждает к выяснению генеалогии и эвристических возможностей мышления в режиме “пост-” как такового. Поэтому нужно говорить об общих особенностях этого режима мышления (то есть о потенциале дискурса “пост-”).

Признав определенное смысловое единство разнообразных стратегий мышления и вещания в режиме “пост-”, подходим к закономерному вопросу: в чем состоит это единство, каким понятием оно схватывается? Все многочисленные “пост-”, которыми переполнено нынешнее гуманитарное сознание, являются производными от основополагающего для всех их определения “постсовременности” (постмодерна). Не всегда (как в случае “постиндустриального”) та или иная модификация “пост-” оказывается *исторически* производной от постмодерна. Однако все они являются производными *концептуально*, в смысле слова измерения.

В работах Лиотара конца 1970–1980-х годов модерн определяется через господство метанарративов (больших повествований, метаповествований). Именно в этом преобладающем значении понятия модерна и его постмодерная альтернатива вошли в широкий оборот гуманитарного сознания и повсеместно используются. Но в этом видении остается на заднем плане — не выявленная должным образом — главная предпосылка господства метанар-

ративов в современной культуре, а именно — власть разума и свободной воли. Определение действительности через метаповествования наглядно свидетельствует о том, что это — действительность сознания прежде всего.

Впрочем, нужно отдать должное лиотаровскому “Состоянию постмодерна”. В нем анализируется “изменение статуса знания” в условиях “вхождения общества в эпоху, которая носит название постиндустриальной, а культуры — в эпоху постмодерна” [Лиотар, 1998: с. 14]. Сама эта работа является “докладом о знании в наиболее развитых обществах”. Соответственно, метаповествования рассматриваются как формы выработки и существования знания. Лишь в, так сказать, “массовом” гуманитарном сознании господство метаповествований теряет свою локализацию в сфере производства знания и становится универсальным, сущностным определением модерна. И в этом присутствует не только недоразумение массового сознания, но и весьма уместная интуиция в понимании современной культуры. Ведь если в основе действительности лежит власть разума, то способ его — разума — организации (то есть метаповествование) задает определенность культурной реальности как таковой.

Вторым уязвимым моментом идеи “господства метаповествований”, проистекающим из первого, является неопределенность содержания и построения метанарративов, о чем идет речь в случае современной культуры. Ведь не только последней свойственно господство метаповествований. Например, жизнь архаического общества вся пронизана великими мифами, в кругу которых осуществляется весь процесс человеческого существования, структурно подчиненный мифу. Поэтому принципиальным является эпистемологический статус современных метаповествований. Это — говоря схематично — рационализированные дискурсы объективистского типа. Поэтому диспозиция модерна-постмодерна связана не только с заменой “метанарративного механизма легитимации” “прагматикой языковых частиц”, но и с решением вопроса: насколько отлична дискурсивная природа этих “языковых частиц” (сугубо “локальных детерминаций”) от дискурсивного качества метанарративов. Не являются ли эти “облака социальности”, образно говоря, совокупностью “обломков” метаповествований, то есть частицами той же субстанции, а не чем-то принципиально отличным?

Наконец, в постмодернистской критике кризис современной культуры связывают прежде всего с изменением человеческой реакции на метанарративы, то есть с изменением состояния сознания, с возникновением “недоверия” к метаповествованиям, которые этим недоверием делегитимируются. Не будем анализировать перформативное противоречие, возникающее в таком утверждении. Ведь если что-то легитимируется “признанием” и разоблачается “недоверием” (то есть основополагающим критерием является реакция людей), то этот механизм оказывается действенным именно при условии применения метанарративов “эмансипации мышления” и “герменевтики смысла”. То есть кризис метанарративов определяют и описывают при помощи тех же самых нарративов. Но главное не это. Важно в анализе современной культуры и ее возможностей касательно современности выйти за рамки человеческой реакции и интеллектуального настроения, рассмотрев внутреннюю эффективность современных институтов, практик и дискурсов применительно к современным условиям. Вопрос не в том, каким настроением сопровождается их существование, а насколько они внутренне способ-

ны (по логике собственного действия) оставаться фундаментом современного бытия?

Анализ Лиотарового (как классического для темы) обоснования ситуации постмодерна приводит к выводам о том, что:

Во-первых, контекст и притязания работы Лиотара (“Состояние выработки знания в постиндустриальных обществах”) не предполагали тех широких экстраполяций “на весь мир”, к которым этот текст привел (то есть можно констатировать теоретическое непонимание между автором и адептами постмодерного дискурса, которое сам Лиотар обнаружил в своих дальнейших работах, в частности в “Differend”, 1983).

Во-вторых, содержание идеи постмодерна было существенно искажено в широком гуманитарном употреблении (одним из главных проявлений этого стала трактовка постмодерна как *эпохи* — темпоральной длительности, а не *ситуации* — смысловой структуры действия). Это тоже отмечал сам Лиотар.

В-третьих, средства легитимации идеи постмодерна (“утрата *доверия* к *метанарративам*”) являются слабыми и неопределенными в своем статусе. В частности, непонятно, идет ли речь о доверии как психологическом, культурно-нормативном или онтологическом явлении. Точно так же неопределенными являются дефиниции и перечень самих метанарративов. Непонятно и то, каким образом обнаружена “утрата доверия” к ним (это социологический вывод? результат дискурс-анализа? или что-то другое?); без этого утверждения превращаются в произвольный лозунг, имеющий право на существование разве что в качестве *гипотезы*, а не подлинного факта.

То, что обычно приписывают *дискурсу “пост-”* (в частности, плюральность; акцент на различении, а не тождественности; примат обособленности, а не целого и т.п.), на самом деле (когда позиционируется как “новое явление”) — не более чем аберрация теоретического зрения. При более внимательном и непредвзятом рассмотрении в широкой временной и смысловой перспективе все эти признаки оказываются “трендами”, возникающими с началом современной эпохи и сами ее начинающими. Безусловно, они видоизменяются и усиливаются, но это только развитие исходных свойств современности (*modernity*). Парадокс заключается в том, что конститутивные признаки самой современности дискурс “пост-” воспринимает как ее отмену.

То есть можно констатировать, что концепт *современности* (*modernity*) является определяющим для понимания содержания, направленности и рамок мышления в режиме “пост-”. Однако сама эта предпосылка дискурса “пост-” (то есть способ обоснования “ситуации постмодерна”) теоретически уязвима и зыбка.

Чем является “пост-правда” как лингвистическая и коммуникативная стратегия?

Новые коммуникативные стратегии (и воплощающие их инновационные концепты) призваны деконструировать прежние стереотипы понимания и описания действительности, задать новые продуктивные “точки отсчета” для понимания актуальной реальности и увеличить объяснительные

возможности аналитического мышления. Чем, учитывая данный критерий, оказывается новейшая постправда?

Приходится констатировать, что понятие “постправда” уводит в сторону от понимания действительности, становится преградой для ее продуктивного анализа. Скорее его можно квалифицировать как интеллектуальную диверсию, нежели попытку понимания (замечу, что понятие “диверсия” здесь не имеет конспирологического смысла, а обозначает скорее спонтанный эффект интеллектуальной неразборчивости и лени ума). Точно так же истинное назначение понятия “гибридная война” — легализовать рассуждения о войне, которые не признавали бы ее войной. Война вроде есть, но одновременно ее как бы и нет.

Здесь перед нами пример использования определенного ярлыка, применение которого создает обманчивую иллюзию понимания явления, которое им обозначается. Вместо исследования конкретных механизмов ведения современной войны, сложного сочетания в ней собственно военных, экономических, информационных, дипломатических, репутационных и прочих стратегий используется громкое слово с непроясненным и бедным смыслом. Отсюда соответствующий интеллектуальный результат.

Лингвистически “постправда”, как об этом говорилось выше, эксплуатирует популярный (хотя уже довольно истертый) мем “пост-”. Оно заняло топовые позиции в медиа в связи с успешными кампаниями *лжи* и *информационных манипуляций* во время Брексита и избирательной гонки Д. Трампа. В лживости политиков нет ничего нового — политики традиционно много врут (или, выскажусь вежливее, “вводят в заблуждение”). Это — способ их существования и один из факторов публичного поведения. Ажиотаж вызвала чрезвычайная *успешность* вранья в значимых политических событиях. Однако это не первый и не последний случай ошеломительного успеха лжи и иллюзий в истории человечества.

Анализ причин успешности вранья указывает не столько на смену режимов истины, сколько на: (а) недостатки права и правозащитных механизмов (а также политических процедур — как, например, избирательная система США или порядок плебисцита в Великобритании); (б) злоупотребление со стороны масс-медиа принципом свободы слова (при фактической монополизации ими публичного вещания); (в) управляемость информационной среды интернета; (г) изменение антропологической основы современного — глобального мира.

Показательно, что приведя довольно убедительные основания для констатации кампании Брексит как *политического преступления* и *политического мошенничества* в общенациональных масштабах, К. Вайнер даже не обмолвилась о привлечении авторов этих действий к правовой и уголовной ответственности, ограничившись словечком “постправда” (каковым в действительности *снимает* с преступников правовую ответственность). Примечательно, что так же поступает не только обозреватель, но и политики — противники Брексита (что свидетельствует, как минимум, о фиаско правосознания в нынешней Великобритании — которая вскоре вполне может стать Англией — и о довольно мизерном масштабе ее “государственных мужей”).

Об изменении режима истины можно было бы говорить, если бы в самом деле была утрачена возможность различать достоверное и недостовер-

ное. Нет, это не потеря данной способности инспираторами “постправды”, а откровенное проявление политического цинизма, корысти и пропагандистского вранья. В сфере экономики это было бы четко определено как обманчивая, недоброкачественная реклама с соответствующими правовыми (уголовными) последствиями. В случае “постправды” перед нами не новое явление, а только демонстрация старого правила: “На современном рынке побеждает не потребительское качество товара, а его “раскрученность” — рекламная и имиджевая (то есть бренд)”.

И то, что люди действуют (в том числе принимают решение), опираясь в основном на собственные стереотипы и психологические склонности, предпочтения, эмоции, страсти, фобии и т.п.), а не на критическую способность мышления, — отнюдь не новость и не новое состояние человеческих реакций. Честность, в частности, всегда была не *слишком* выгодной стратегией.

По большому счету, в понятии “пост-правда” нет даже лингвистической необходимости, поскольку уже существует и успешно работает понятие, отражающее специфику существования современной информационной виртуальной среды, — это *фейк*.

Каковы смысл и возможности “дискурса пост-” как формы мышления?

Эвристический и объяснительный потенциал термина “постправда” прямо связан с его основой и, так сказать, матрицей — дискурсом “пост-”. Поэтому определение смысловой силы этого вида дискурса очерчивает и горизонт продуктивности постправды.

С теоретической точки зрения маркер “пост-” весьма неопределенный и уязвимый. Он уместен лишь в локальных, четко определенных контекстах. В целом, определение “пост-” является (а) логически пустым; (б) эвристически интригующим, но непродуктивным; (в) теоретически бессильным. Оно как минимум аффицирует (раздражает) интеллектуальную чувствительность, но неспособно выполнить серьезную работу интеллектуального поиска и решения проблем.

Остановимся на этих определениях.

Мышление в режиме “пост-” является *логически пустым* — так как “пост-” не имеет собственного смысла. Это лишь знак отсутствия. Ему присущ недостаток всех негативных определений, которые с определенностью указывают лишь на то, что отрицают, но бессильны отослать к чему-либо конкретному. Например, узнав о чем-то, что оно “*не-собака*”, мы абсолютно не уверены, что это такое: бегемот, стул или планета Марс. Поэтому негативное определение “пост-” лишь логически подтверждает то, что отбрасывает, но иного смысла не сообщает.

Вещание в режиме “пост-” является *эвристически интригующим, но непродуктивным* — поскольку “пост-”, которое, по сути, является обозначением конца, выявляет невротический характер разговоров о “конце”. Аналогия этих разговоров с типичными сообщениями медийных новостей позволяет рассматривать их как проявление, экспансию новостного сознания в область гуманитарного мышления и интеллектуального поиска. Парадокс новостного сознания заключается в том, что новости обычно не сообщают нового, а воспроизводят штампы (заведомо известное). Путь доступа к новому

очень коварный: его (новое) невозможно сообщить, а можно только открыть. Попутно следует отметить неготовность рядового сознания к открытиям. В итоге обнаруживается роль дискурса “пост-” — перевод мышления из формата “поиска истины” (“исследования”) в формат интеллектуального шоу, микса (миксирования, занимающего место мышления).

Наконец, мышление в режиме “пост-” *теоретически бессильно* — поскольку каждый концепт настолько оправдан, насколько мощным объяснительным средством он становится. Дискурс “пост-” не задает содержательно нового смыслового горизонта и не может стать основанием новых объяснительных стратегий. Самое большое — и это если ему верить — он констатирует неспособность существующих объяснительных средств, сворачивает имеющийся смысловой горизонт. Чем активнее он перечеркивает все предыдущие теоретические основания, тем очевиднее становится его неспособность предложить действенную теоретическую альтернативу. Можно рассматривать его как побуждение и стимул для поиска новых объяснительных средств, но с диспозиции самого “пост-” ясно, что сам он не может служить таким средством.

В то же время, будучи малоэффективным в качестве способа мышления, постмодерный дискурс крайне важен как симптом “нашего времени” и должен быть глубоко проанализирован в этом качестве. Такой анализ позволит подойти к плодотворному (эвристически весомому) пониманию актуальной современности (глобального мира).

Сделаю вывод. Указанные уязвимые черты дискурса “пост-” не означают, что его следует отбросить как простое недоразумение. Каким бы логически пустым он ни был и какие бы фальшивые теоретические эрзацы ни создавал, он крайне важен — повторю — как *симптом*. Симптом современного мышления, состояния культуры и сферы нормативности, в целом нынешней ситуации человеческого бытия и мира. Кратко говоря: практикование дискурса “пост-” с целью получения новых теоретических результатов (решение имеющихся проблем) бесперспективно; его применение ради достижения социальной успешности (в частности, на интеллектуальном рынке) выгодная и удобная стратегия (хоть и несколько устаревшая и приносящая все меньше дивидендов); анализ дискурса “пост-” как симптома современности является продуктивной стратегией понимания нашего времени, способной выявить его содержательные характеристики.

Осмелюсь утверждать: эпохи “постправды” не существует. Реально налицо глубокий кризис правопорядка и правосознания, общественной морали и демократического правления, деградация политической ответственности и стандартов публичного поведения. И, разумеется, использование со стороны политических технологий возможностей современной информационной среды (и злоупотребление ими). И это все присуще не какой-то там периферии современного мира, авторитарным режимам или транзитивным обществам. Речь идет о развитых странах с устойчивой демократической традицией, что придает ситуации особую остроту. Именно на эти явления нужно направлять исследовательское внимание, а не подменять его эффективным жонглированием экстравагантными терминами, смысловая и объяснительная сила которых обратно пропорциональна интенсивности их применения.

Источники

- Бодріяр, Ж. (2004). *Симулякри і симуляція*. Київ: Основи.
- Вайнер, К. (2016). Як технологія підриває основи правди. “Гардіан” від 12.06.2016. Одержано з: <http://zbruc.eu/node/62228>.
- Вельш, В. (2004). *Наш постмодерний модерн*. Київ: Альтерпрес.
- Історія морських баталій*, ч. I, (s.a.). Одержано з: <https://www.youtube.com/watch?v=ph5bW2HBxBU>.
- Ліотар, Ж.-Ф. (1998). *Состояние постмодерна*. Москва, Санкт-Петербург: Алетейя.
- Хабермас, Ю. (1992). Модерн — незавершений проект. *Вопросы философии*, 4, 40–52.

Матеріал отриман 01.10.2018

References

- Baudrillard, J. (2004). *Simulacres and Simulation*. (In Ukrainian) Kyiv: Osnovy. [=Бодріяр 2004]
- Weiner, K. (2016). How Technology Undermines the Foundations of Truth. “*The Guardian*” dated 12.06.2016. (In Ukrainian) Retrieved from: <http://zbruc.eu/node/62228>. [=Вайнер 2016]
- Welsch, W. (2004). Our Postmodern Modern. (In Russian) Kyiv: Alterpress. [=Вельш 2004]
- The History of Sea Battles*, part I. (In Ukrainian) Retrieved from: <https://www.youtube.com/watch?v=ph5bW2HBxBU>. [=Історія s.a.]
- Lyotard, J.-F. (1998). The State of Postmodern. (In Russian) Moscow, St.Petersburg: Aletheia. [=Ліотар 1998]
- Habermas, J. (1992). Modern – the Unfinished Project. (In Russian) *Voprosy filosofii*, 4, 40–52. [=Хабермас 1992]

Received 01.10.2018